

УДК 811.111'373.611

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНТАМИНАНТОВ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ: ФРАГМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.А. Карцова

Тверской государственной университет, Тверь

Статья посвящена обсуждению результатов экспериментального исследования с испытуемыми – носителями русско-английского билингвизма, цель которого заключается в выявлении специфики процессов опознания и извлечения контаминированных образований из ментального лексикона. Анализ полученных от испытуемых языковых фактов позволяет выявить идентификационные стратегии и опоры, используемые индивидами при опознании единиц такого рода, а также определить факторы, оказывающие влияние на принятие решения о значении контаминированных лексем.

***Ключевые слова:** контаминант, ментальный лексикон, хранение и доступ к значениям контаминированных образований, морфемный шов, концептуальная дезинтеграция смешанного пространства, ментальный реблендинг, семантический сдвиг.*

Контаминанты являются многокомпонентными словами, включающими в себя два и более элементов, которые проходят процесс усечения или наложения и объединяются в единую лексему. Образованные по этому принципу лексические единицы, как правило, характеризуются инновационностью и часто не входят в состав авторитетных традиционных словарей, таких как Oxford Dictionary of English [8] или Cambridge Dictionary [6], поэтому можно предположить, что данные слова относятся к периферии ментального лексикона, а не к ядерным (центральным) или приядерным слоям (см. об этом: [1; 2]). При встрече с такими новообразованиями в сознании носителей языка возникает «ощущение необычности», или так называемое «ощущение новизны» (см. об этом также: [3]), которое служит своеобразным когнитивным маркером для отнесения лексем к категории новых и переосмысления уже имеющейся информации на подсознательном уровне.

В нашем исследовании была предпринята попытка выявить особенности восприятия контаминированных слов рядовыми носителями языка и культуры – учебными билингвами, что позволило по-новому взглянуть на специфику функционирования контаминантов в индивидуальном сознании, изучить идентификационные стратегии и опоры, используемые индивидами при опознании единиц такого рода, а также определить факторы, оказывающие влияние на принятие решения о значении контаминированных лексем. Основным постулатом работы стало положение о том, что доступ к контаминанту в ментальном лексиконе, как правило, сопровождается процессом дезинтеграции «смешанного пространства», или концептуальной дезинтеграцией – процессом, обратным концептуальной интеграции в терминах Ж. Фоконье и М. Тёрнера [7]. Процесс идентификации контаминированного образования в этом случае сопровождается ментальным реблендингом, в результате которого образуется иное, индивидуальное / искажённое значение слова, которое, с одной стороны, наследует роли и свойства исходных ментальных пространств и, с другой

стороны, приобретает собственную структуру, новые оттенки и смысловые нюансы под влиянием внутреннего и внешнего (понимаемого широко) контекста.

Обзор существующих на сегодняшний день моделей доступа к хранению и извлечению значений слов в ментальном лексиконе [4; 5; 9], а также анализ нашего экспериментального материала показали, что опознание контаминанта, как и любой другой сложно репрезентированной единицы, осуществляется двумя способами: либо непосредственно, т.е. без предварительного доступа к элементам (морфемам / цепочкам графем), входящим в их состав, либо через идентификацию отдельных составляющих.

В качестве примера приведём результаты анализа массива свободных ассоциаций и толкований, полученных на стимул БРЕКСИТ (англ. *Brexit* < *British* + *exit*, e.g. an exit (= act of leaving) by the United Kingdom from the European Union [6]). Контаминант вызвал у Ии. разнообразные реакции (23), было выявлено 8 отказов. Стоит отметить, что только 5 из всех 30 Ии. проинтерпретировали данное слово в соответствии с его первоначальным «замыслом», записав следующие дефиниции: *выход Великобритании из ЕС* (3); *выход Британии из Евросоюза; отделение страны, ранее входящей в федерацию*. Один ответ был дан на английском языке: *Britain* + *exit*. Представляется, что обработка стимула осуществлялась Ии. с опорой на звукобуквенный комплекс, а также фоновые знания, которые помогли им реконструировать исконное значение контаминанта. Фактом, подтверждающим знакомость предъявленного стимула, является то, что все 5 Ии. указали области употребления слова – СМИ, новости, финансы и Интернет. Таким образом, процесс идентификации Ии. на стимул БРЕКСИТ в указанных примерах можно рассматривать как иллюстрацию непосредственного «распаковывания» контаминанта, в результате чего «обнаружились» источники слияния бленда (Input Spaces) – *Британия* (от англ. *Britain*) и *выход* (от англ. *exit*), на основании которых образовалась единица с обобщающим значением (Genetic Space) без семантического сдвига – *Евросоюз (ЕС)*. Полученные от Ии. реакции свидетельствуют об успешности опознания контаминанта, обозначающего известную процедуру выхода Великобритании из Европейского союза, инициированную в 2017 году. Схематично процесс «расщепления» контаминанта с появлением нового слова, который в данном случае рассматривается как результат успешной идентификации, можно изобразить следующим образом (см. рис. 1).

Кроме того, к выделенной группе можно отнести следующие ассоциации: *что-то связанное с бизнесом; политика* (2); *что-то связанное с политикой; финансы* (2). Мы полагаем, что такие обобщённые ответы появились вследствие того, что доступ к слову мог осуществляться без предварительного доступа к морфемам, входящим в его состав. Очевидно, в данном случае Ии. пользовались стратегией с опорой на фонетический образ лексемы и предшествующий опыт. Представляется, что это слово встречалось ранее в сознании индивидов в различных контекстах и могло быть воспринято ими как, например, политический или экономический термин.

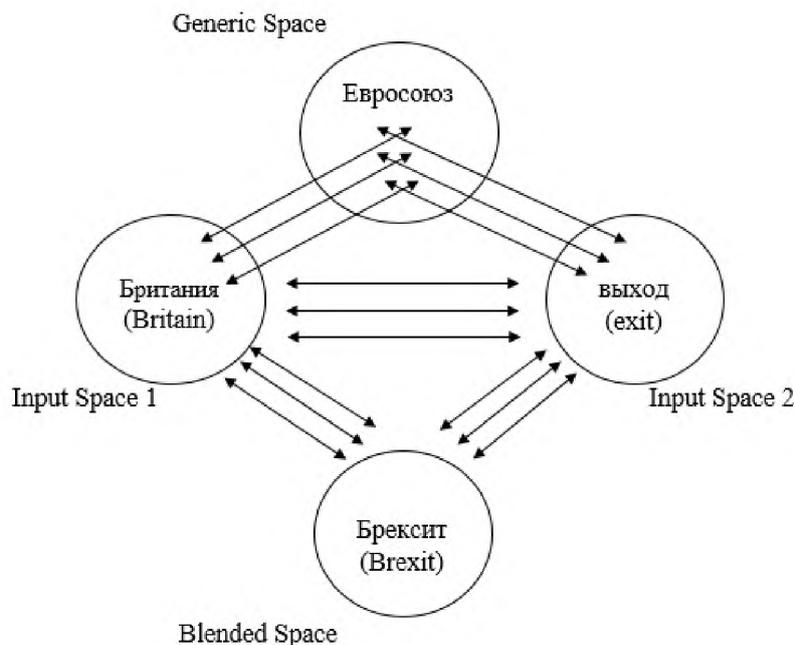

Рис. 1. Принцип «расщепления» контаминанта с появлением нового слова «Евросоюз» (Generic Space), который можно рассматривать как результат успешной идентификации

Вследствие сбоя в процессе идентификации стимула и осуществлении доступа к начальному или конечному компонентам слова (или к значениям других слов, графически и / или фонетически похожих на стимул) от Ии. были получены реакции, которые мы условно разделили на три подгруппы. К первой подгруппе относятся субъективные дефиниции – *перерыв в работе; переменка* и свободная ассоциация – *перекус*. На основе этих ответов нами был сделан вывод, что мотивирующим элементом идентификации данного слова послужил начальный компонент стимула *Брек-*, фонетически похожий на английское слово *break* (в значении ‘перерыв / перемена’). Доступ к конечному компоненту *-сит* вовсе не был осуществлён.

Вторая подгруппа реакций включает в себя следующие толкования: *место для отдыха в офисе; место для отдыха; break + seat*. В данном случае морфемный шов прошёл между начальным фрагментом слова *Брек-* и конечным *-сит*. Предположительно, в результате доступа к начальному элементу стимула у Ии. было актуализировано значение его «фонетического соседа» – *break* (в значении ‘перерыв / перемена’), являющееся наиболее частотным для них. В процессе перебора возможных «кандидатов» на роль ассоциата для конечного компонента стимула Ии. получили доступ к английскому слову – *seat* (в значении ‘место’), имеющему схожую фонетическую форму.

Третья подгруппа представлена единственной дефиницией – *похоже на брекетсы, возможно, из сферы стоматологии и ортодонт-систем*. Скорее всего, данная реакция была мотивирована только начальным элементом *Брек-*, визуально напоминающим слово-стимул. Возможно, данная реакция была

получена в результате соотнесения со своим ранее полученным социальным опытом.

Несколько Ии. (4) предоставили в качестве реакций такие ассоциации, как *род деятельности; человек; название чего-то* и дефиницию – *имя*. Здесь также можно говорить о сбое в процессе идентификации стимула и осуществлении доступа к значениям других слов, вероятно, имеющих графическое и / или фонетическое сходство со стимулом.

На основе полученных от Ии. реакций нами было отмечено, что практически во всех случаях (74% от всех реакций на стимул) наблюдалась дефектная членимость, то есть под влиянием индивидуального опыта индивидов, а также степени выраженности лексических свойств контаминанта происходило переразложение, перераспределение морфемного состава внутри слова, что в итоге приводило к новому членению лексической единицы и актуализации других, субъективных значений, наиболее близких исходной единице. В ходе морфемного и словообразовательного анализа реакций Ии. нам удалось определить границу «расчленения» контаминированного образования. В большинстве случаев морфемный шов прошёл между начальным фрагментом *Брек-* и конечным *-сит*, которые, в свою очередь, запустили процесс поиска значения слова в ментальном лексиконе индивидов, активировав в их памяти все слова, начинающиеся и заканчивающиеся таким же образом. В процессе перебора возможных «кандидатов», находящихся в состоянии конкуренции друг с другом, происходило объединение более значимых для Ии. элементов слова, что приводило к актуализации новых, субъективных значений, наиболее близких стимулу. При этом значение многих из этих единиц оказывалось далёким от первоначального значения контаминанта. Схему процесса «распаковывания» контаминированного слова с появлением иных, индивидуальных / искажённых значений можно представить следующим образом (см. рис. 2).

В результате качественного анализа полученных экспериментальных данных нам удалось выделить две основные стратегии идентификации контаминированного слова, которыми пользовались Ии. при опознании стимула БРЕКСИТ: доступ к значению контаминанта мог осуществляться посредством восстановления значений слов-источников, т.е. поэлементно / поморфемно; или целиком, т.е. без предварительного доступа к элементам, входящим в его состав. То, какой именно способ был применён в каждом конкретном случае, зависело от соотношения ряда психолингвистических факторов, ведущими из которых, очевидно, являлись степень знакомости единицы для индивида и её субъективная частотность, которые взаимобусловлены. Иначе говоря, если слово казалось Ии. известным / знакомым, то оно воспринималось, предположительно, как неделимое целое (например, БРЕКСИТ < выход *Великобритании* из ЕС; *что-то связанное с политикой*), подобно мономорфемным словам, где связь между значениями слов-источников и контаминированным образованием была утрачена. С другой стороны, если контаминант становился источником возникновения у индивидов чувства нового и трактовался ими как незнакомое или плохо знакомое слово, то

он, как правило, конструировался из репрезентаций слов-источников, которые могли соотноситься со знакомыми элементами изучаемого и / или родного языка – так называемыми «графическими и / или фонетическими соседями». По нашим наблюдениям, степень влияния родного языка и культуры находилась в определённой зависимости от уровня владения неродным языком искусственными билингвами: чем более незнакомым стимул казался Ии. по причине отсутствия фоновых знаний и / или недостаточной лингвистической подготовки, тем большее значение имел принцип опоры на родной язык (например, БРЕКСИТ < *похоже на брекетсы, возможно, из сферы стоматологии и ортодонт-систем*).

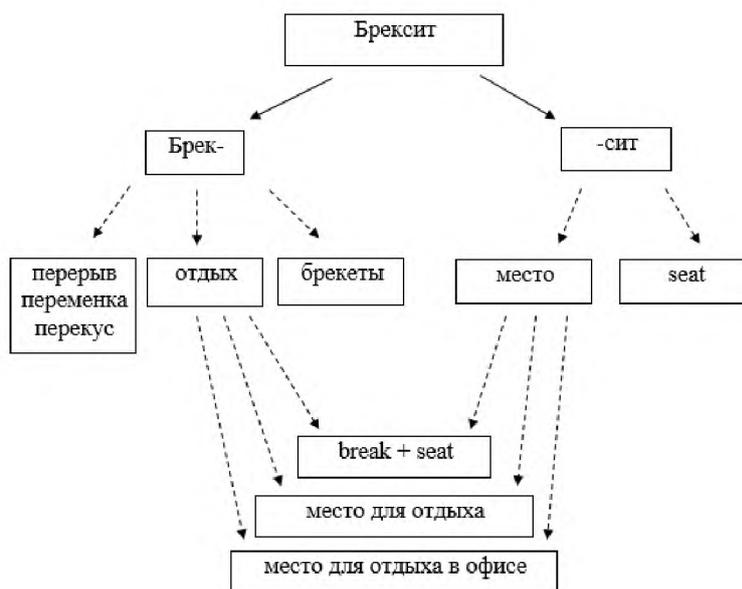

Рис. 2. Принцип «распаковывания» контаминанта с появлением иных, индивидуальных / искажённых значений

Не менее важным фактором, оказывающим влияние на доступ к значениям контаминированного слова, является степень усечённости компонентов слова. Дело в том, что понимание единиц с низкой степенью сокращения связано с меньшими умственными затратами, чем понимание слов с высокой степенью сокращения. Полная форма слова-источника не всегда могла быть восстановлена из части, входящей в состав контаминанта, ввиду высокой степени усечённости хотя бы одного из компонентов и, соответственно, невозможности его распознавания (например, БРЕКСИТ < *имя; человек; род деятельности; название чего-то*).

Таким образом, можно сделать вывод, что успешность опознания значений контаминированных слов в целом связана с уровнем сформированности лингвистической компетентности у Ии., объёмом и качеством словаря родного и изучаемого языков, а также запасом фоновых знаний родной культуры и культуры изучаемого языка. Всё же стоит обратить внимание на некоторые примеры идентификации контаминанта Ии., характер которой прямо не

соотносился с уровнем их лингвистической подготовки. Ожидалось, что студенты магистратуры не будут испытывать трудностей при опознании стимула БРЕКСИТ. Однако, судя по ответам большинства Ии., они были «дезориентированы» сформировавшимися к этому этапу обучения навыками лингвистического анализа, который был применен ими в отношении стимула. Например, в реакциях *break + seat; место для отдыха в офисе; место для отдыха* граница «расчленения» контаминированного образования прошла по ложному шву, обнаружив два слова-источника, одно из которых увело Ии. от «правильного» опознания значения контаминанта.

В связи с этим мы полагаем, что результаты идентификации контаминанта в целом коррелируют с уровнем лингвистической компетентности (уровнем владения иностранным языком), который формально соотносится с этапом обучения. Однако часто успешность идентификации, т.е. опознание значения контаминанта, принятое в социуме, в большей степени зависит от развитости социокультурной эрудиции индивида, его осведомлённости о политических и культурных событиях, происходящих в современном мире.

Итак, процесс идентификации контаминированного слова в силу специфики учебного двуязычия находится под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, которые в целом уравнивают друг друга. В результате их воздействия актуализируются («высвечиваются») все возможные элементы слова, которые могут послужить опорами при его идентификации. Обработка лексемы и неосознаваемый анализ возможных опор идентификации приводит к выделению основного опорного элемента / элементов, что обеспечивает репрезентацию доступа к стимулу в ментальном лексиконе (к целому слову или к отдельным его морфемам). Это ведёт к извлечению всей имеющейся информации о слове, т.е. его идентификации.

Список литературы

1. *Залевская А.А.* Значение слова в индивидуальном лексиконе // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2012. № 3. С. 479–493.
2. *Золотова Н.О.* Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: монография. Тверь: Лилия Принт, 2005. 203 с.
3. *Тогоева С.И.* Специфика субъективных дефиниций словесных новообразований // *Психолингвистические проблемы семантики: сб. науч. тр.* Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1990. С. 24–31.
4. *Филд Дж.* Психолингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами). Пер. с англ. / Общ. ред. И.В. Журавлёва. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 344 с.
5. *Baayen H.R., Schreuder R., Jong De N., Krott A.* Dutch inflection: The rules that prove the exception // *Storage and Computation in the Language Faculty*, 2002. № 3. Pp. 61–92.
6. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (accessed at 17.01.2019).
7. *Fauconnier G., Turner M.* The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2001. 440 p.

8. Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearner-dictionaries.com> (accessed at 24.01.2018).

9. Taft M. Morphological decomposition and the reverse base frequency effect // Quarterly Journal of Experimental Psychology, 2004. № 57 (A). Pp. 745–746.

SPECIFIC FUNCTIONING OF CONTAMINATED UNITS IN THE INDIVIDUAL LEXICON: RESEARCH FRAGMENTS

M.A. Kartsova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the discussion of the experimental results of the study of bilingual Russian-English students, the purpose of which is to define the specific processes of identifying and extracting contaminated units from the mental lexicon. The analysis of the linguistic facts obtained from the students allows determining identification strategies and key components used by the individuals in identifying units of this kind, as well as to determine the factors that influence the decision-making on the meaning of contaminated lexemes.

Key words: *contaminant, mental lexicon, storage and access to the meanings of contaminated units, morpheme seam, conceptual disintegration of blended space, mental reblending, semantic shift.*

Об авторе:

КАРЦОВА Маргарита Алексеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии Тверского государственного университета;

e-mail: rita.kartsova@mail.ru.